

и им самим пришла очередь всходить на эшафот. И тогда, разочаровавшись во всем, видя, что революция погибла, народ предоставил поле действия реакционерам.

И вот, раз «порядок» будет «восстановлен», коллективисты прежде всего гильотинируют анархистов, затем POSSИБИЛИСТЫ гильотинируют коллективистов, которые в свою очередь будут гильотинированы реакционерами. Революцию придется начинать сначала.

* * *

Но есть основание думать, что влияние народа окажется достаточно сильным и что к тому времени, когда произойдет революция, идея анархического коммунизма успеет распространиться. Эта идея - не пустое измышление: ее подсказал нам сам народ, и число коммунистов будет все расти по мере того, как невозможность всякого другого выхода будет становиться все более очевидной. Если же коммунистическое влияние окажется достаточно сильным, дела примут совершенно иной оборот.

Вместо того, чтобы грабить булочные, а на другой день опять голодать, восставший народ возьмет в свои руки хлебные склады, бойни, магазины съестных припасов - одним словом, все имеющиеся в наличии пищевые запасы.

Сейчас же найдутся добровольцы, мужчины и женщины, чтобы составить опись, инвентарь всего находящегося в магазинах и хлебных складах, и через двадцать четыре часа восставшая коммуна будет знать то, чего Париж не знает до сих пор, несмотря на все статистические комитеты, и чего он никогда не мог узнать во время осады, а именно - сколько в нем находится съестных припасов. А через сорок восемь часов уже будут изданы в миллионах экземплярах точные списки всех имеющихся продуктов, указаны места, где они находятся, и способы их распределения.

В каждой группе домов, в каждой улице, в каждом квартале организуются группы добровольцев для заведования съестными припасами; и они, конечно, сумеют столкнуться между собою и сообщить друг другу о результатах своей работы. Пусть только якобинские штыки не вмешиваются в это дело, пусть только так называемые «научные» теоретики не пытаются вносить свою путаницу или, вернее, пусть себе запутывают мозги сколько угодно, лишь бы у них не было права распоряжаться! Та удивительная способность к свободной организации, которая свойственна в высокой степени народу - особенно же народу французскому, во всех его общественных слоях, и которой так редко дают возможность проявиться, - создаст, даже в таком большом городе, как Париж, и даже в самый разгар революционного возбуждения, целую естественно выросшую организацию, имеющую целью доставить каждому необходимые припасы.

Пусть только предоставят народу свободу действия, и через неделю распределение припасов будет происходить с удивительною правильностью. Сомневаться в этом может только тот, кто никогда не видел рабочего народа в действии, кто провел всю жизнь, уткнувшись в бумаги. Поговорите же об организаторском духе народа - этого великого непризнанного гения - с тем, кто видел его в Париже в дни баррикад, во время Коммуны или в Лондоне во время большой стачки в гавани, когда приходилось прокармливать полмиллиона голодных людей, - и они скажут вам, насколько народ стоит в этом отношении выше всех канцелярских чиновников!

Но если бы даже пришлось пострадать в течение каких-нибудь двух недель или месяца от некоторого относительного беспорядка - то что же из этого? Для массы народа это будет во всяком случае лучше, чем то, что существует теперь; да кроме